

ЛИНГВИСТИКА И УРОВНИ ЯЗЫКА

Л.И. Богданова

ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ¹

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; libogdanova1@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается когнитивная сущность зооморфной метафоры и ее национально-культурное своеобразие в русском языке. Исследование выполнено на материале словарей и текстовых корпусов русского языка. Цель статьи — изучить зооморфизмы и их словарные и текстовые реализации, чтобы на основе анализа определить, какая культурная информация не полностью отражается в толковых словарях. В ходе исследования было установлено, что названия животных, представляющие в русском языке культурные эталоны, в основном фиксируют отрицательные черты характера человека и его внешности. Образы летающих птиц, напротив, способны отражать и описывать положительные характеристики человека. Анализ словарных дефиниций показал, что разные наименования одинаковых животных нередко имеют не одинаковый в национально-культурном плане ассоциативный потенциал. Толковые словари не всегда фиксируют различия в коннотативном объёме лексических единиц. Результаты данного исследования могут быть использованы в лексикографической практике — при создании комплексного словаря, который предполагает включение коннотативных и ассоциативных значений в состав толкования слов. Такие словари необходимы и при обучении русскому языку как родному, и при работе с иностранными студентами, которые изучают русский язык.

Ключевые слова: русский язык; зооморфная метафора; национально-культурный компонент; когнитивный подход; перспективы лексикографии; трансляция культурных смыслов

DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2023-2-01-02

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Богданова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; libogdanova1@mail.ru

¹ В основе статьи лежит доклад, прочитанный автором на пленарном заседании Международной научной конференции «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация», МГУ имени М.В. Ломоносова, ФИЯР, 31 октября 2022 г.

Для цитирования: Богданова Л.И. Человек в зеркале зооморфной метафоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 24–40.

Введение. В настоящем исследовании рассматриваются идеи, связанные с национально-культурной спецификой метафоры, с культурным кодированием действительности, с описанием культурных эталонов. Эти идеи являются плодотворными и перспективными, поскольку способствуют более глубокому осмыслению соотношения «язык и культура». В контексте изучения этнокультурной специфики зооморфной метафоры ее когнитивная сущность осознается не только как один из способов познать окружающий мир, но и как средство, помогающее оценить человеческие поступки и качества сквозь призму образов животных, птиц, рыб. Интерес к природе, растительному и животному миру, различным природным стихиям постоянно растет в современном обществе. Изучение отношения «Человек-Животное» становится всё более необходимым именно в аксиологическом аспекте. В задачи работы входит систематизация и обобщение представлений о том, каким видит себя человек в зеркале зооморфной метафоры. Вторая сторона этой проблемы состоит в ответе на вопрос, как человек оценивает животных и птиц, живущих рядом с ним, сквозь призму метафоры. Изучение данной проблематики не только позволяет осознать неразрывность связей человека с живым миром природы, но и способствует осмыслению ценностно-оценочного потенциала метафоры и ее способности в сжатом виде хранить и передавать информацию от поколения к поколению.

Метафора имеет длительную и богатую историю изучения. Как предмет исследования метафора интересовала и филологов, и философов. Ее изучали Аристотель, Э. Кассирер, Х. Ортега-и-Гассет. Теорию метафоры разрабатывали Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, В.Г. Гак, В.Н. Телия и др. В контексте своих исследований изучением функционирования метафоры занимаются Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, В.А. Маслова, Г.Г. Молчанова, А.П. Чудинов и др. Из зарубежных исследователей большой вклад в изучение зооморфной метафоры внесли К. Basso, G. Lakoff, R. Sommer и В. Sommer и мн.др. Революционной в плане изучения метафоры по праву считается книга «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон, 2004]. Авторы этого исследования, рассмотрев вопрос о связи метафор с национально-культурными ценностями, пришли к выводу, что те ценности, которые реально существуют и глубоко укоренились в культуре, согласуются с метафорической системой. Метафора, создавая новое знание, соотносит разные сущности, пропуская

их через человека, соизмеряя мир с человеческим масштабом знаний и представлений [Арутюнова, 1990; Lakoff, 1993]. Результативными в этом плане оказываются исследования синестезии в метафорологии [Молчанова, 2018]. Именно в метафоре, более чем в какой-либо другой форме символического выражения, язык и культура демонстрируют неразрывную связь [Basso, 1976: 142]. Причина этой тесной связи состоит в том, что в основу метафоры входят стереотипы и образы народного сознания, а также культурные эталоны, понимаемые как «характерологическая подмена свойства человека или предмета какой-либо реалией, которая становится знаком доминирующего в ней с точки зрения обиходно-культурного опыта народа свойства» [Телия, Опарина, 2011: 147]. Метафора создает ассоциативное поле «притяжения» с помощью образов, символов, коннотативных намеков и тем самым участвует в закреплении культурного опыта человечества с помощью определенных фреймов [Lakoff, 1986]. Одним из продуктивных понятий для выявления этнокультурной специфики языка следует считать код культуры [Богданова, 2022: 12]. Код культуры нередко определяется как «сетка», набрасываемая культурой на окружающий мир. С помощью этого инструмента человек «членит, категоризует, структурирует и оценивает мир» [Красных, 2001: 5]. Кодирование культурной информации в семантике языковых единиц происходит на основе коннотаций, которые играют важнейшую роль в межкультурном общении. Коннотативная семантика — это целый комплекс «надстраивающихся» над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и других «созначений», актуализирующихся в особых, вторичных, поэтических, метафорических и других «непрямых» употреблении слов [Толстой, 1995: 289]. В плане межкультурной коммуникации значимыми оказываются и параметры «измерения культуры». Такие параметры, как высокая контекстуальность [Hall, 1976], вертикальная дистанция власти [Hofstede, 1991], косвенным образом влияют на понимание оценочной сущности зоометафор и характера их использования по отношению к взрослым и детям, начальнику и подчиненным. В плане лексикографического представления зоонимов важную роль сыграли труды Ежи Бартминьского, обосновавшего значимость когнитивной дефиниции [Бартминьский, 2004]. Углубление исследования в аспекте выявления комплекса оценочных смыслов, характерных для зооморфизмов, а также рассмотрение данной проблемы в лексикографическом аспекте с учетом значимости когнитивной дефиниции создают предпосылки для получения новых результатов в изучении зооморфной метафоры.

Результаты и обсуждение. Проведенное исследование подтвердило, что идиоэтническая специфика зоометафор во многом объясняется субъективным характером отражения мира в языках. Именно поэтому одни и те же образы животных могут вызывать абсолютно непохожие ассоциации у представителей разных народов. Богатый источник выявления национально-культурной специфики языковых единиц представляют собой культурные эталоны, которые требуют при интерпретации проникновения «в глубинные тайники» значения. В этом плане изучение зооморфизмов разных языков показывает неполное совпадение некоторых практически универсальных эталонных образов. Образ лисы, например, во многих лингвокультурах является эталоном хитрости, но в китайском и корейском языках зооморфизм *лиса* может характеризовать, кроме того, еще и красивую, но опасную для мужчин молодую женщину, коварную обольстительницу и соблазнительницу (*лиса-оборотень* из древних легенд). *Медведь* и в русском, и в китайском языках ассоциативно связывается с неуклюжестью, но в русском языковом сознании этот недостаток компенсируется за счет силы и мощи медведя: *Неуклюж медведь, да дюж; Медвежья сила; Сильный, здоровый, как медведь*². Согласно толковому словарю русского языка³: *Медведь* — 1. Крупное хищное млекопитающее с длинной шерстью и толстыми ногами; 2. Перен. О неуклюжем, неповоротливом человеке (разг.). Анализ словарей и текстовых реализаций показывает, что в русском языке лексическая единица *медведь* характеризуется большим объемом коннотативных значений, среди которых отметим следующие: 1) ‘много и беззаботно спать’: *Спит, как медведь в берлоге*; 2) ‘делать что-то с неразумным усердием’: *Добрый, преданный малый, а ломит всегда, как медведь!* (И.И. Лажечников), *медвежьи объятья* (разг., шутил.) — тяжелые и неловкие, *медвежья услуга* — неловкая помощь, причиняющая только вред; 3) ‘жить замкнуто, одиноко, вдали от других людей’: ср. *Медвежий угол; ... они жили особняком, как медведи, избегали людей* (А.П. Чехов)⁴.

Для китайцев *медведь*, представляя в целом негативный образ, к тому же является эталоном глупости, тупости, бесполезности, что имело подтверждение на занятиях по русскому языку в китайской аудитории. В частности, на предложение преподавателя завершить сравнительную конструкцию: *глупый как ...* китайские учащиеся, как правило, дружно отвечают: *глупый как медведь*. В русской куль-

² См.: *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка. М., 2001.

³ Здесь и далее толкования лексических единиц даются по словарю: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999.

⁴ См.: *Огольцев В.М.* Указ. соч.

туре, несмотря на образ простодушного и не всегда блещущего интеллектом медведя из народных сказок, для глупости / тупости в языке есть совсем другие эталоны как зооморфные (*осёл, баран, курица, утка*), так и «деревянные» (*пень, бревно, дуб, чурбан*).

Материал русского и немецкого языков также показал, что эталонные образы для обозначения одного и того же качества человека могут как совпадать в языках, так и существенно расходиться [Богданова, Малькова, 2014]. Например, для выражения упрямства и глупости в русском и немецком языках используется зооним *осёл* — *der Esel* (*упрямый как осёл*), эталоном красивого звонкого голоса является *жаворонок* — *Heidelerche* (*поет как жаворонок, голос звонкий как у жаворонка*), эталоном нежных любовных отношений — *голубки* — *Turmeltaube* (*воркуют как голубки*). Совпадающими образами также являются *крот* (плохое зрение), *ягненок* (кротость), *змея* (коварство), *рыба* (неразглашение тайн, молчаливость) и др. Существенно различаются в русском и немецком языках такие эталоны, как *воробей* (русск. сидеть, нахохлившись, мало есть — нем. быстро и много ругаться), *обезьяна* (русск. вертлявость, внешняя непривлекательность — нем. вычурность, сильная потливость, напряжённая работа), *лянь* (русск. пугливость, грациозность, быстрота — нем. скромность, хорошее здоровье) [Богданова, Малькова, 2014: 45]. Таким образом, очевидно, что в плане понимания и осмысления идиоэтнические эталоны оказываются трудными для представителей других культур. Русским, например, непонятно, почему *слон* в немецком языке является эталоном злопамятности. Китайцам непонятно, почему источник выгоды и объект несправедливой эксплуатации может быть обозначен в русском языке как *дойная корова*.

В ходе исследования были обнаружены проблемы, связанные с лексикографическим представлением зоонимов. Когнитивный подход к описанию семантики лексических единиц должен, на наш взгляд, обеспечивать их многоаспектное дифференцированное представление в словарях. Однако в традиционных словарях дефиниции не всегда обладают различительной силой, из-за чего нередко бывает трудно понять, чем же отличаются друг от друга описываемые животные. Ср.: *Лиса (лисица)* — ‘хищное млекопитающее семейства псовых с длинным пушистым хвостом, а также мех его’; *Волк* — ‘хищное животное семейства псовых’⁵. Основываясь на этих дефинициях, мы можем полагать, что волк отличается от лисы только отсутствием длинного пушистого хвоста. Однако опыт подсказывает нам, что это не так. В русском языковом сознании *волк* обычно

⁵ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч.

предстает как существо опасное, агрессивное, вечно голодное: *волчий оскал, волком смотреть, волком выть, волчий аппетит; злой как волк, голодный как волк; С волками жить — по-волчьи выть* и т.п. Отрицательные характеристики, связанные с волком, метафорически переносятся на человека: *К волку в пасть лезть* (разг. неодобр.) — общаясь с кем-либо, подвергать себя явной опасности, неприятности; *Хоть волком вой* (разг.) — так говорят о состоянии тяжелой тоски или безвыходности; *волчий закон* — беззаконие, опирающееся на грубую силу. Отрицательную оценку имеют и метафорические обозначения опасных для человека коллективов: *волчье логово, волчья стая*. Однако комплекс отрицательных характеристик не помешал волку стать официальным символом Чемпионата мира по футболу 2018 г. Волк в русской культуре воспринимается не только как опасное животное, но и как свободолюбивое существо (*Как волка ни корми, а он всё равно в лес смотрит*), как животное, быстро передвигающееся (*Волка ноги кормят*), обладающее опытом и жизненной мудростью (*Старый морской волк*) и др. Примечательно, что слово *бирюк*, обозначающее тоже волка, не обладает столь богатым ассоциативным потенциалом. *Бирюк* — 1. Волк — одиночка (обл.) 2. Перен. Нелюдимый и угрюмый человек (разг.): *смотреть бирюком, жить бирюком*⁶.

Недостаточность когнитивной информации особенно заметна при анализе лексикографической интерпретации слов, обозначающих одно и то же животное или родственных животных. Так, например, животные *заяц* и *кролик* представлены в словаре одинаково: *заяц* — ‘зверек отряда грызунов с длинными ушами и сильными задними ногами, а также мех его’; *кролик* — ‘грызун семейства зайцев, а также мех его’. Однако очевидно, что в обыденном сознании русского человека *заяц* — это дикое животное, а *кролик* — домашнее. Существенным образом различаются и коннотации этих слов, влияющие на их употребление. Такие качества, как ‘быстрота’ (*быстрый как заяц*) и ‘трусливость’ (*заячья душа, трусливый как заяц*), характеризуют в русской языковой картине мира именно зайца, но не применимы к кролику, который ассоциируется с красными глазами (*глаза красные, как у кролика*) и ‘плодовитостью’ (ср. *размножаются, как кролики*).

Собака и *нёс*, обозначая одно и то же животное, также различаются в ассоциативном плане. Лексическая единица *нёс*, славянское по происхождению слово, закрепились в русском языке как обозначение животного, имеющего хозяина и выполняющего охранную функцию: *сторожевой нёс, ценной нёс, верный нёс, преданный нёс*.

⁶ Там же.

Слово *собака* часто ассоциируется с бездомным животным. Жизнь бездомной собаки связана с бесконечными лишениями, голодом, холодом, необходимостью бегать в поисках пропитания. Представив «собачью жизнь» в виде своего рода фрейма, с помощью устойчивых сравнений мы можем выявить основные оценочные характеристики образа собаки в русском языке. Эти коннотативные признаки переносятся и на человека: *голодный как собака, бегал как собака, устал как собака, промок как собака, замерз как собака, собачий холод — собачья жизнь, собачья смерть*. Ср. примеры из НКРЯ⁷: *Ваш несчастный, брошенный, одинокий как собака* (Лидия Вертинская); *... окоченела, как собака, пока от метро доскакала* (Д. Донцова). Такая тяжелая жизнь формирует злобный характер: *Собака бывает кусачей только от жизни собачьей!* (Юнна Мориц). Ср.: *Пьяница был злой, как собака, мрачный, никого не любил, над матерью издевался...* (А.И. Слаповский).

Как показывает текстовый материал, *собака* может быть интенсификатором какого-либо качества, даже без видимой семантической мотивировки: — *Ишь, бесстыдница! Врет, как собака, да ещё и прячется* (Л.А. Коньков). Собака, как известно, врать не может, но глагол *брехать*, относящийся к собаке, имеет многозначную структуру: *Брехать* — 1. то же, что лаять. *Брешет собака*. 2. перен. **Врать**, говорить вздор. *Собака* может оказаться даже своего рода эталоном для характеристики ревнивого человека: *Я ему все скажу! Он ревнивый, как собака.* — *А собаки очень ревнивые?* (А. Мельник).

Оба слова, и *пёс*, и *собака*, могут использоваться в качестве прямого оскорбления. При этом *пёс* обычно подчеркивает низость, подлость, подчиненное положение оскорбляемого. В этом проявляются отголоски древнего речевого употребления, когда слово *пёс* (*пес*) использовалось для выражения верноподданнических чувств и намерений (*Твой верный пес*). Зооморфизм *пёс* можно считать маркированным с точки зрения отражения в языке иерархических отношений. Значимым оказывается статус по возрасту и социальному положению [Богданова, 2019]. Что касается зоонима *собака*, то его использование в виде метафоры имеет двойственную оценку. С одной стороны, *собака* может обозначать злого и жестокого человека: *Не человек, а собака!* С другой стороны, этим словом можно в восхищении назвать знающего, ловкого, искусного в каком-нибудь деле человека: *Как танцует, собака!* Такого рода употребления, смысл которых полностью определяется контекстом, можно считать

⁷ Здесь и далее примеры из НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 20.09.2022).

проявлением высокой контекстуальности русской культуры [Hall, 1976].

Слова *лошадь* и *конь*, называя в принципе одно и то же животное, также содержат и передают разную культурную информацию. Согласно толкованию, *лошадь* — ‘крупное непарнокопытное животное семейства лошадиных’. Слово *лошадь*, как правило, называет сельскохозяйственное животное, которое используется для работы: *работать как лошадь* (много и тяжело), *устала как лошадь*. Очень крепкое здоровье могут назвать *лошадным здоровьем*. О трудолюбивом человеке, безотказном работнике говорят: *Рабочая лошадка* (разг.). При этом по-русски не очень корректно сказать: **работать как конь*, **рабочий конь*, **устал как конь*. Слово *лошадь* применимо и по отношению к крупной, не очень привлекательной женщине: *Ну и лошадь, эта баба* (разг., неодобр.), а *лошадиное лицо* — это не очень красивое лицо с тяжелой и вытянутой нижней частью. Слово *конь* называет то же животное, что и *лошадь*, но в словаре есть добавление: преимущественно о самце⁸. Устойчивые сочетания и номинации со словом *конь* указывают на сферу употребления этого зоонима (военные действия, армия): *Боевой конь*. *По коням!* (кавалерийская команда); *конник*, *конница*. Слово *конь*, общеславянское по происхождению, воспринималось в русской культуре прежде всего как обозначение животного, связанного с войной, битвой: *боевой конь* — это верный друг и товарищ воина; *быть на коне* — быть победителем в битве. Ср. также: *Въехать в город на белом коне*; *Каждая девушка ждет принца на белом коне*, где замена коня на лошадь невозможна. Образ коня, кроме того, связан с волей, с ощущением простора, поэтому *конь* может подчеркивать свободолюбие: *Мужчина, он всё одно как конь на воле: кто его обуздать может?* (А.Н. Островский). Кроме того, зооморфизм *конь* включает в свой ассоциативный потенциал и такие признаки, как прекрасное здоровье, сила и мощь: *Парень был здоровый, ясноглазый, сильный, как конь* (З. Прилепин). Эти качества могут характеризовать и женщину: — *Здоровая, как конь! А мы еще переживали, что не очнешься...* (В. Сеницына).

Прямые значения слов *осёл* и *ишак* также практически одинаковые. Ср. толкования в основном значении⁹: *Осёл* — ‘животное семейства лошадиных, невысокого роста, с большой мордой и длинными ушами’. *Ишак* — ‘осёл’ и (обл.) лошак или мул. Нетрудно заметить, что ассоциативный потенциал у слов *осёл* и *ишак* разный, что и породило разные метафорические значения: если человека

⁸ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч.

⁹ Там же.

называют *ослом*, значит, он упрямый или глупый, но если человека называют *ишаком*, то значит, что он или перетаскивает на себе тяжести (*навыючился, как ишак*), или слишком много работает, причем труд этот подневольный, не приносящий работающему ни прибыли, ни удовлетворения. Ср.: *Что я ишак?* (прост., неодобр.) — выражение протеста против трудной работы; *ишачить на кого-либо*.

Собранный материал позволяет обобщить основные характеристики человека, представляемые в русском языке с помощью образов животных.

Сила, высокий рост, здоровье человека (мужчины) передается с помощью следующих зооморфизмов: *бугай* (бык-производитель — большой, громоздкий человек), *буйвол*, *жеребец* (с сексуальным подтекстом), *конь*, *бык*, *лось*, *слон*, *медведь*. Ср.: *Да я здоровый, здоровый, как бык, как лось, как конь* (Н. Коляда); *Так от лекарства и помер, а здоровый был, как бык!* (К. Симонов); *Пушкай Митька работает, он здоровый, как бугай!* (А.В. Калинин); ... *он силен, как буйвол* (Ф. Гладков).

Работоспособность ('много и тяжело работать'): *лошадь*, *ишак*, *вол* ('сельскохозяйственное животное, кастрированный бык'). Ср.: *Вкалываю, как ишак, ставлю рекорды* (В. Липатов); *Мама у меня тогда красивая была, хоть и работала, как вол...* (А. Маринина). Умение много и напряженно работать не всегда положительно оценивается русским социумом. Ср.: *Новый начальник <...> имел уже репутацию страшного человека, встающего в шесть утра и работающего, как лошадь, и требующего такой же работы от подчинённых* (Л.Н. Толстой); *Всю жизнь бился, бился, с урока на урок, работал, как ломовая лошадь, и вот надорвался, не выдержал* (В.П. Катаев). Ср. также: *Живу в деревне, верчусь, как белка в колесе, много работаю, но всегда без гроша* (А.П. Чехов)¹⁰.

Толщина, лишний вес: *бегемот*, *боров*, *кабан*, *поросенок* *свинья*. Ср.: *Спасенный был невысокого роста, толстый, круглый, как откормленный кабан* (А.С. Новиков-Прибой).

Неуклюжесть, неповоротливость: *медведь*, *слон*, *тюлень*, *бегемот*, *корова* (как *корова на льду*). Ср.: *Он жутко толстый и неуклюжий, как медведь* (Е. Литинская); *Дубов, неповоротливый, как слон, ... отдаёт распоряжение* (А.С. Новиков-Прибой).

Недостатки внешнего вида, нескладная фигура, некрасивая внешность (женщины): *кляча*, *кошка драная*, *выдра*, *кобыла*, *лошадь*, *корова*, *обезьяна*, *жаба*. Ср.: *Мать ещё молодая, а сама с разрезанным морщинами лицом, как замученная кляча* А.С. Серафимович); ... *она лицом не вышла и ... одевается как выдра* (А.Н. Котюсов).

¹⁰ Примеры из Словаря: *Огольцев В.М.* Указ. соч.

Красивая внешность (женщины), **глаза, фигура, походка** могут описываться с помощью следующих образов: *лебедь, пав, лань, газель*. Ср.: *Рая была невысокая, с прекрасным, чистым, узким книзу лицом и большими, продолговатыми, как у газели, глазами* (Г.И. Коновалов); *Не найти, не сыскать такой красавицы: Ходит плавно — будто лебедушка; Смотрит сладко — как голубушка* (М.Ю. Лермонтов).

Из душевных качеств чаще всего метафоризируются следующие:

Жестокость, злоба, агрессия: *зверь, тигр, волк, собака, бык, змея, крокодил*. Ср.: *набросился как зверь, как волк, как тигр, как собака, как разъярённый бык*. См. примеры из НКРЯ: *Я всё ради неё делаю, а ей не нравится. Злая как змея* (Ю. Буйда); *Он побеждал... язычников, устремлялся на них как лев, гневен как рысь, губителен как крокодил* (Н.И. Костомаров).

Низменные интересы, примитивные потребности: *животное, скот, скотина, свинья*. Ср.: *Как скотина ты жил. А есть другая жизнь — человекья!* (А.С. Иванов); *Человеки ж мы, а не животные, чтоб жить ради брюха* (Ф.П. Певнев); *Работаем, как люди, а живём, как свиньи* (А.П. Гайдар).

Хитрость, коварство: *лиса, змея, жук*. Ср.: *Она, небось, думает, что хитра, как лиса* (С.П. Антонов); *Я стал холоден, любезен и хитер, как змея* (В.А. Каверин); *Нет, жук какой, а?! Двадцать лет бумажку хранил* (С. Носов).

Низкий интеллектуальный уровень: *осёл (тупой осёл), мерин (глуп, как сивый мерин), баран (глуп, как баран), индюк (глупый индюк), гусак, овца (тупая овца), курица (глупая курица), утка*. Ср.: *Ирон. Способный был немец, умный, как утка* (В. Липатов); *А народ несмышленный, как бараны* (Л.Н. Толстой); *Вы кретин! У вас куриные мозги!* (Д. Липскеров); ... [водитель] *высунулся и гневно прокричал: — Баран безмозглый!* (А. Житков); *Ох, ты, жеребец безмозглый!* (А. Иванов).

Упрямство: *осёл, козел, мул, бык, буйвол, вол, лошак, баран*; Ср.: *Снова, с воловьим упрямством, он говорил о материнстве...* (Е. Чиждова); *Но она упёрлась на своем, как баран* (М. Зощенко); *Едва не повторил слова Наполеона: «упрям, как мул»* (Д.С. Мережковский); ... *старовер был упрям, как козел* (И.П. Шемякин); *Я, конечно, стоял за вас, но вы же знаете председателя — он упрям, как лошак* (К.М. Станюкович, 1903).

Завышенная самооценка: *петух, индюк, гусь, павлин*; Ср.: *важный гусь, надутый, как индюк; заносчивый петух; самодовольный павлин*. Ср.: *...он богат и надменен, как индейский петух...* (Н.С. Лесков).

Среди **положительных качеств** можно отметить **смелость, храбрость, решительность:** *лев, барс*. Ср.: *Он был телом сильный,*

как бык, и **храбрый, как лев** (Л.Н. Толстой); *Он, как барс, выскочил бы из засады...* (И.А. Гончаров).

Кротость, чистота, невинность: *голубь, агнец (ягненок)*. Ср.: *Жена моя чиста, как голубь* (В.А. Соллогуб); *Наталья имела прелестную душу, была нежна, невинна, как агнец* (Н.М. Карамзин).

Как следует из анализа зооморфизмов, устойчивые сравнения и метафоры характеризуют в подавляющем большинстве недостатки человека, а не его достоинства. Даже положительные качества при сравнении с животным могут превратиться в осмеиваемые недостатки человека. Ср.: *Ты верный, как пёс!* — как правило, не является похвалой. В оценочном плане показателен микротекст из НКРЯ с устойчивыми сравнениями — зародышами метафор: *Утром встаю взъерошенная, как овца, на работу бегу голодная как шакал, прицеплюсь на трамвай, как обезьяна, и еду на нем, как заяц, толкаясь, как медведь; пока доеду до работы, переругаюсь со всеми, как собака. Вылезу из трамвая оципанная как курица; работаю каждый день, как вол, потом, как ищейка, бегаю по магазинам; навьючусь, как верблюд; тащусь домой, как загнанный ишак* (В. Шахиджанян, 1999).

Проанализированный материал подтверждает, что «самые обидные характеристики люди выбирают из числа названий домашних животных, покорно и преданно служащих человеку тысячелетия» [Мокиенко, 2005: 108]. По-видимому, в негативной оценочности зооморфизмов отражается стремление человека возвыситься над животными [Sommer&Sommer, 2011]. При этом степень негативности зоометафор может быть различной. Например, сленговые единицы *телка (телочка), цыпочка* в разговоре мужчин о девушках, несмотря на некоторое пренебрежение, имеют более позитивную окраску, чем *овца, корова* или *курица*.

Выражение положительной оценки с помощью зоонимов. У человека нередко возникает потребность в обозначении ласкового отношения к любимому человеку с помощью зоонимов. В индивидуальном употреблении, по-видимому, практически любой зооморфизм может получить контекстную положительную оценку. В.В. Маяковский с удовольствием сравнивал себя с молодой собакой и подписывал свои письма Лиле Брик: «*Щен*» (именно так она его ласково называла). Ср. общеязыковое употребление метафоры *щенок*: — *Ты сопляк еще, ты щенок, недоросль, чего ты смеешься?!* (М. Дяченко, С. Дяченко, 1994).

А.П. Чехов в письмах своей жене Ольге Книппер мог обращаться к ней, прибегая к отрицательным в целом образам *собаки*, даже *лошадиной собаки (Лошадиная моя собака!)*, *крокодила (Крокодил моей души!)*. Ср. использование А.П. Чеховым метафоры *крокодил*

по отношению к женщинам в общезыковом значении: *Посмотришь на иное поэтическое создание: кисея, эфир, полубогиня, миллион восторгов, а заглянешь в душу — обыкновеннейший крокодил!* (А.П. Чехов, Медведь).

В русском языке есть и специализированные средства положительной оценки, среди которых особо отметим суффиксы со значениями невзрослости, уменьшительности и субъективной оценки.

Детеныши животных, как и дети вообще, обычно вызывают умиление. Однако не все названия невзрослых животных получили в языке закреплённую положительную оценку (ср. *щенок, собачий сын*, а также используемые по отношению к молодому человеку *крысеныш, змеёныш*). Нередко названия невзрослых животных имеют коннотацию малой ценности их жизни: *придушить, как котёнка, как цыпленка, как щенка* — ‘уничтожить легко и просто’¹¹. Однако некоторые названия невзрослых животных имеют в целом положительные ассоциативные значения, связанные с нежностью, смирением, кротостью, лаской, добротой. Ср.: *Ласковый теленок двух маток сосет; Васенька был кротким, как теленок* (Н. Сакур); *Он был очень ласковый, нежный, послушный, как ягненок* (М.Я. Гробман); *Богатырь, огромного роста, силы необычайной, но добрый и тихий, как ягненок* (Вл. А. Гиляровский). Резвость, игривость, веселый нрав ассоциируются с образами *козленка, жеребенка, котёнка: Тогда он был веселый и шустрый, как козленок* (М.А. Шолохов).

Почти такие же качества могут быть обозначены с помощью диминутивов. В частности, *овечка* прочно ассоциируется с кротостью, чему может быть найдено и религиозное объяснение: *Христианин должен быть, как овечка, кроткий. Овечка, она же никогда не рычит, не грызёт никого, она только терпит, у нее такая участь* (Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди, 1984–1989). *Овечка* может быть эталоном для характеристики тихого и спокойного нрава, беззащитности, скромности: *Тихо и скромно, как овечка* (С. Гансовский); *Изумленная и оскорбленная хозяйка, как овечка кроткая, робко поглядывала на своих волков-гостей...* (Т.Г. Шевченко). *Козочка, лошадка, козлик* — эти диминутивы могут быть эталонами резвости, живости, привлекательности: *Леночка болтала, прыгала, как козочка; а право, она была премиленькая козочка — гибкая, стройная, черноглазая* (Н.Г. Помяловский); *Так вот, иду я как-то по станице, а навстречу мне идет молодая и красивая, как козочка, девка...* (М.А. Шолохов); *...черноглазая Нюрочка после уроков бежала домой, постукивая, как лошадка копытцами...*

¹¹ См.: Огольцев В.М. Указ. соч.

(А. Мариенгоф); <Он> подпрыгнул, как козлик, как теленочек веселый, молочком с пальца поеный (Е.И. Замятин).

Показательным в плане оценочных характеристик будет сравнение козлика (положительная оценка) с козлом (резко негативная оценка). Ср. фрагмент из НКРЯ: «Козел» — одно из самых страшных оскорблений, придуманных падким на образное слово народом. «Козел» — и перед вами встает не столько рогатое и бородатое, сколько тупое, не поддающееся дрессировке... «Козел» — и ваше воображение рисует подлое, способное на дрянной поступок исподтишка и бодливое существо (Ю. Кашкин, 2014).

Положительная оценка может передаваться также с помощью **образов летающих птиц**. Умение летать — это качество, недоступное человеку, предмет его мечтаний. Этим, по-видимому, можно объяснить тот факт, что «птичья» метафора, если она связана с некоторыми летающими птицами (курица в этом смысле не птица!), обозначает положительные качества человека: *орёл, сокол, голубь, ласточка, лебедь*. Разумеется, отрицательные качества человека также могут передаваться с помощью образов птиц: *ястреб, коршун, ворон, ворона, сорока* и др. Однако с образом птицы в целом тесно связана идея свободы, счастья: *Человек рождён для счастья, как птица для полёта* (В.Г. Короленко). Ср. также: *Их арестуют, и ты станешь свободным как птица* (В. Токарева); *У меня было ощущение, что расправились крылья и я парю как птица* (Сати Спивакова). Особенно в этом плане показательны выражение *вольная птица: Теперь-то он, как птица вольная, выпорхнул из-под тамбурной крыши...* (А. Солженицын); *Я — вольная птица, куда хочу, туда и лечу* (М. Шолохов); *... и мир у ваших ног, и вы — вольная птица* (Б. Пастернак); *Она искала целей разнообразных, как рыба ищет воды, а вольная птица — воздушной шири, без пределов и препон ее своеобразному полету* (В.П. Желиховская).

В номинативной метафоре для создания позитивного впечатления также используются образы птиц. Например, название скоростного поезда «Сапсан» связано с соколом-сапсаном. *Сокол* в русском языке имеет положительную оценку (*сокол ясный*): так называют мужественных, сильных, гордых мужчин. Известно, что сокол-сапсан не только красивая, но и стремительная птица: она может развивать скорость более 300 км / час. Электропоезда также имеют названия: «Стриж», «Ласточка». Номинативная метафора и в этих случаях обусловлена положительной оценкой (ср. ласковое обращение к любимому человеку: *Ласточка моя!*) и скоростью полета птиц.

Выводы. В работе были рассмотрены культурные эталоны человеческих качеств, сформированные на основе зоонимов. Эталоны не совпадают в разных языках (ср. *рыба* в китайском языке — сим-

вол изобилия и плодовитости, а в русском — часто обозначает холодность и молчаливость). Анализ материала показал, что функция зооморфной метафоры заключается, прежде всего, в том, чтобы дать некоторое описание человеку (или ситуации) на основании замеченного сходства внешних характеристик или поведенческих качеств животного с человеком. При этом в описание включается субъективный взгляд на объект наблюдения, влекущий за собой оценочную коннотацию, как правило, отрицательную. Это соотносится с общей тенденцией асимметрии оценок. Наблюдая за животными, человек отмечал те качества, которые ему были важны в прагматическом плане: сила, здоровье, работоспособность домашних животных были полезными для человека качествами, а, например, упрямство мешало человеку подчинять себе животное. Зооморфные метафоры и устойчивые сравнения в основном направлены на дискредитацию человека, резкое снижение его статуса. Однако диминутивы и названия незрелых животных, а также образы летающих птиц помогают использовать многие зооморфизмы в положительном смысле. В ходе изучения зооморфизмов было обнаружено, что ряд социокультурных параметров, выявленных в классификациях культур Г. Хофстеде и Э. Холла, среди которых PD (Дистанция Власти), высокая контекстуальность, приобретают определенную ценность при интерпретации отдельных зооморфных метафор (*nёс, щенок*). И это не случайно: различие культур, как правило, не может быть абсолютно нерелевантным при характеристике языковых единиц этих лингвокультур.

Анализ словарных толкований зоонимов показал, что дефиниции в традиционной лексикографии нередко перегружены научной информацией, а национально-культурная специфика представлена недостаточно. Выявление этнокультурной специфики в способе познания мира помогает ответить на вопрос, каким образом человек смотрит на мир, как опознает его объекты и включает их в светлую зону сознания, подвергая их категоризации. Исходя из этого, считаем, что лексикографическая интерпретация языкового образа мира в идеале должна также иметь национально-культурный отпечаток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Сб. статей / Под общей ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990. С. 5–32.
2. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.
3. Богданова Л.И., Малькова В.В. Выявление ассоциативного потенциала слов-эталонов, представленных в русских и немецких устойчивых сравнениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Лингвистика». 2014. № 1. С. 41–51.

4. *Богданова Л.И.* Культурные параметры в грамматике для речевых действий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 9–18.
5. *Богданова Л.И.* Оценки и ценности в культурной трансмиссии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 9–19.
6. *Красных В.В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. М., 2001. Вып. 19. С. 5–19.
7. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
8. *Мокиенко В.М.* В глубь поговорки. СПб., 2005.
9. *Молчанова Г.Г.* Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 9–20.
10. *Телия В.Н., Опарина Е.О.* Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. 2011. № 1 (56). С. 145–148.
11. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
12. *Basso K. H.* 'Wise Words' of the Western Apache: Metaphor and Semantic Theory // Meaning in Anthropology. Albuquerque, 1976. P. 119–146.
13. *Hall E.T.* Beyond Culture. N.Y., 1976.
14. *Hofstede G.* Cultures and Organizations: Software of the Mind. L., 1991.
15. *Lakoff G.* Frame semantic control of the coordinate structure constraint // Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory. Chicago, 1986. P. 152–167.
16. *Lakoff G.* The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ortony A. (ed). Cambridge, 1993.
17. *Sommer R. and Sommer B.* Zoomorphy: Animal Metaphors for Human Personality // Antropozoos. 2011. Vol. 24 (3). P. 237–248.

Liudmila I. Bogdanova

MAN IN THE REFLECTION OF A ZOOMORPHIC METAPHOR

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, libogdanoval@mail.ru

Abstract: The article deals with the cognitive essence of zoomorphic metaphor and its national and cultural identity in the Russian language. The study was carried out based on dictionaries and text corpora of the Russian language. The purpose of the article is to analyze the vocabulary material and its textual implementations in order to determine, based on the analysis, which cultural information is not fully reflected in explanatory dictionaries. In the course of the study, it was found that the names of animals, which represent cultural standards in the Russian language, mainly capture negative character traits of people and their appearance. The images of flying birds, on the contrary, capture and describe in a figurative form the positive characteristics of a person. The analysis of dictionary definitions showed that different names of the same animals often have different associative potential in the national-cultural sense. Explanatory dictionaries do not always capture differences in the connotative volume of lexical units. The results of this study can be used in lexicographic practice when creating a complex dictionary, which involves the

inclusion of connotative and associative meanings in the interpretation of words. Such dictionaries are necessary both when teaching Russian as a native language and when working with foreign students who study Russian.

Keywords: Russian language; zoomorphic metaphor; national-cultural component; cognitive approach; perspectives of lexicography; translation of cultural meanings

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Bogdanova L.I. (2023). Man in the reflection of the zoomorphic metaphor. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 2, pp. 24–40. (In Russ.)

ABOUT THE AUTHOR

Liudmila I. Bogdanova — Dr. Habil. in Philology, Professor of Department of Comparative Studies of Languages; Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; libogdanova1@mail.ru

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. 1990. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In *Teoriya metafory. Sb. statei* [Theory of metaphor]. Ed. N.D. Arutyunova. Moscow, pp. 5–32. (In Russ.)
2. Bartmin'skii E. 2005. *Yazykovoï obraz mira: ocherki po ehntnolingvistike*. [Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow. (In Russ.)
3. Bogdanova L.I., Mal'kova V.V. 2014. Vyyavlenie assotsiativnogo potentsiala slovehtalonom, predstavleniykh v russkikh i nemetskikh ustoychivykh sravneniyakh [Identification of the associative potential of standard words presented in Russian and German stable comparisons]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Lingvistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series “Linguistics”], no.1, pp. 41–51. (In Russ.)
4. Bogdanova L.I. 2019. Kul'turnyye parametry v grammatike dlya rechevykh deystvij [Cultural parameters in grammar for speech actions]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–18. (In Russ.)
5. Bogdanova L.I. 2022. Tsennosti i otsenki v protsesse kulturnoj transmissii [Values and Estimates in Cultural Transmission]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–19. (In Russ.)
6. Krasnykh V.V. 2001. Kody i ehtalony kul'tury (priglasenie k razgovoru) [Codes and standards of culture (an invitation to talk)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow. Issue 19, pp. 5–19. (In Russ.)
7. Lakoff G., Johnson M. 2004. *Metaphors we live by*. Moscow. (In Russ.)
8. Mokienko V.M. 2005. *V glub' pogovorki* [Deep into the conversation]. St. Petersburg. (In Russ.)
9. Molchanova G.G. 2018. Kognitivnaya sinestezijnaya metafora I teoriya napryazhennosti [Cognitive synesthesia metaphor and tension theory]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–20. (In Russ.)

10. Teliya V.N., Oparina E.O. 2011. Kul'turnaya konnotatsiya kak sposob voploshcheniya kul'tury v yazykovoi znak [Cultural connotation as a way of translating culture into a linguistic sign]. *Kul'turologiya* [Culturology], no.1 (56), pp. 145–148. (In Russ.)
11. Tolstoy N.I. 1995. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoi mifologii i ehtnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow. (In Russ.)
12. Basso, Keith H. 1976. 'Wise Words' of the Western Apache: Metaphor and Semantic Theory. In *Meaning in Anthropology*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1976, pp. 119–146
13. Hall, Edward T. 1976. *Beyond Culture*. N.Y., Doubleday.
14. Hofstede, Geert. 1991. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. L.: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited.
15. Lakoff, George. 1986. Frame semantic control of the coordinate structure constraint. In *Papers from the Parasession on Pragmatics and Grammatical Theory*. Chicago, pp. 152–167.
16. Lakoff, George. 1993. The Contemporary Theory of Metaphor. In *Metaphor and Thought* / Ortony A. (ed). Cambridge.
17. Sommer, Robert and Sommer, Barbara. 2011. Zoomorphy: Animal Metaphors for Human Personality. In *Antropozoos*. Vol. 24 (3), pp. 237–248.

Статья поступила в редакцию 22.12.2022;
одобрена после рецензирования 22.01.2023;
принята к публикации 20.02.2023

The article was submitted 22.12.2022;
approved after reviewing 22.01.2023;
accepted for publication 20.02.2023